

Рогинский Е.М. Генерал Остерман-Толстой

// Вопросы истории. 1998. №3. С.147-153.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

Имя Александра Ивановича Остермана-Толстого может занять место в первой десятке русских полководцев начала XIX века.

Генеалогическое древо А.И. Остермана-Толстого пестрит именами, оставившими заметный след в российской истории{1}. Александр Толстой родился в 1770 г. в семье екатерининского вельможи и военачальника графа Ивана Матвеевича Толстого и Аграфены Ильиничны, урожденной Бибиковой, проживавших в их петербургском доме на Английской набережной{2}. И.М. Толстой происходил из древнего рода. Он был сыном Матвея Андреевича Толстого и Анны Андреевны Остерман. Прадед нашего героя Андрей Иванович Остерман, деятель «гнезда петрова» был известен как хитрый и коварный царедворец, а также неподкупный дипломат и государственный деятель, преданный своей новой родине. По сватовству Петра Великого он женился на Марфе Ивановне Стрешневой, двоюродной правнучке жены первого царя из дома Романовых Михаила Федоровича{3}. Бибиковы вели свой род от служилых татар. Брат Аграфены Ильиничны Александр «потомок дивного мужа Аманда Буссавола, генерал-аншеф, кавалер ордена св. Андрея Первозванного, один из замечательнейших мужей российской истории, после блистательного участия в 7-летней войне являлся верховным маршалом комиссии депутатов, собранной Екатериной II для составления уложения. Воевал с польскими конфедератами, предводительствовал войсками против Пугачева, скончался в Бугульме{4} от холеры. Ее сестра Екатерина была замужем за М.И. Кутузовым.

Александр Толстой получил, по свидетельству его друга и соратника известного писателя И.И. Лажечникова{5}, прекрасное домашнее образование, проявив особые способности к иностранным языкам, свободно владел французским и немецким, а также латынью: его отец полагал, что для обретения мудрости сын должен читать мужей античности в подлиннике. Остерман-Толстой впоследствии говорил: «Я простой солдат и мало имел времени учиться, но всегда желал много и серьезно учиться; я не стужусь невольного незнания, но не хочу быть невольным невеждой».

Отец не; мыслил любимого сына вне военной карьеры: в 4-летнем возрасте Александр был зачислен сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, в 10 лет он прапорщик, а в 14 явился на действительную службу подпоручиком. В 1787 г. Турция в надежде взять реванш за поражение в кампании 1768-1774 гг. объявила войну России. По приказу Екатерины II из гвардейцев формируется батальон волонтеров, и Александр Толстой подает прошение о зачислении в него. Батальон влился в 1-ю дивизию Н.В. Репнина, входившую в Екатеринославскую армию Г.А. Потемкина-Таврического, ведущую боевые действия в Молдавии и Бессарабии. В октябре 1789 г. Толстой участвовал в сражении на р. Сальче и штурмовал крепость Бендеры, за что был произведен в поручики. В 1790 г. он поступил на службу в гробную десантную эскадру, которой командовал известный Иосиф (Орас Михайлович) -147- де Рибас, будущий генерал-губернатор и строитель Одессы. За участие в составе эскадры в ожесточенном сражении у Килийских Ворот Толстой был награжден

Александровской лентой. Пока войска готовились к штурму осажденного Измаила, Толстой по вечерам посещал своего родственника М.И. Голенищева-Кутузова, только что оправившегося от вторичного (после алуштинского) ранения в голову под Очаковым. Вскоре к стенам крепости прибыл А. В. Суворов. Началась усиленная подготовка к штурму. Вместе со своими солдатами Толстой тренировался на малых рвах, построенных по приказу Суворова. Перед началом штурма суда де Рибаса подплыли к Измаилу со стороны южного вала. Отряд Толстого прошел ночью к берегу по ледяной воде и участвовал в прорыве войск в крепость и сражении внутри ее стен. После боя Толстой ушел из разгромленного Измаила и встретился с Кутузовым, назначенным комендантом города.

После заключения Ясского мира Александр Толстой вернулся в столицу, где был милостиво принят и отмечен чином капитана императрицей. В 1793 г. он подал прошение о переводе из гвардии в армейскую часть и был назначен командиром батальона Бугского егерского корпуса в чине подполковника. Судьба его круто изменилась в 1796 г., после возвращения в Петербург: он встретился со своими родственниками, бездетными братьями покойной бабки, «пользующимися почетом при дворе, известными богатством и твердым характером Федором Андреевичем и Иваном Андреевичем Остерманами». Высокий стройный красавец с темно-русой шевелюрой и синими глазами, образованный и остроумный герой недавней войны Александр Толстой произвел на них весьма благоприятное впечатление. Вскоре И. А. Остерман в прошении на имя Екатерины II пишет, что они с братом его Федором Андреевичем «избрали преемником их фамилии старшего покойной сестры внука подполковника и кавалера Александра Толстого и просят Высочайшего соизволения, чтобы онный внук мог уже при жизни их именоваться графом Остерманом и употреблять их фамильный герб». На прошении того же 1796 октября 27 дня подписано собственноручно Ея Величества рукой: «Быть по сему» (это произошло за десять дней до скоропостижной смерти императрицы). Граф Остерман становится крупным российским помещиком, владельцем трех обширных майоратов в Петербургской, Московской и Могилевской губерниях. Лажечников уточнил: «Несколько поместий с огромными сосновыми лесами под Московской и Петербургом и дубовыми в Рязанской губернии, которые век не трогал топор, а также жалованное имение в недавно завоеванных Западных землях». Кроме наследуемого от отца дома в Петербурге, Остерман-Толстой получил дом в Москве бывшую загородную усадьбу бояр Стрешневых (теперь там, в Божedomском пер., помещается музей декоративно-прикладного искусства). Наследник остермановских богатств стал также обладателем «нескольких десятков пудов серебра и разных драгоценностей на большую сумму».

Иван Матвеевич Толстой, «узнав о благодати, падавшей с неба на его сына и кичась своим древним родом, не соглашался, чтобы фамилию Толстых поставили в хвосте фамилии Остерманов, происходивших от немецкого попа». Однако же дал себя уговорить, и Александр стал носить двойную фамилию Остерман-Толстой.

С этим приобретением статус молодого графа начинает меняться: его приглашают в гости сановники и генералы, петербургскую знать привлекает неординарная внешность и обходительность наследника знатных фамилий. П.А. Вяземский писал: «Его личность поражала яркостью красок своих и выпуклостью очертаний», «замечательная и своеобразная личность», «Высокого роста, худошавый, смуглое лицо его освещалось выразительными глазами и добродушием, которое пробивалось сквозь темный оттенок наружной холодности и даже суровости». Остерман-Толстой быстро продвигается по службе: в том же году он

полковник Ряжского полка, а через два года генерал майор, шеф Шлиссельбургского мушкетерского полка.

Вскоре ему подбирают невесту, «родовитую и с огромным приданым», Елизавету Алексеевну Голицыну, в 14 лет ставшую фрейлиной Великой княгини Елизаветы Алексеевны (Луизы-Марии-Августы, дочери герцога Баден-Дарлахского) после обручения последней с Великим князем Александром Павловичем, будущим императором. Впоследствии графиня Остерман-Толстая и императрица, будучи ровесницами и тезками, сохраняли близкие отношения. Известный художник-медальер Федор Петрович Толстой писал о Елизавете Голицыной{7}: «Миниатюрное, довольно интересное, от природы неглупое и доброе существо, но со своими причудами наших знатных и богатых барышень высшего круга того времени и особенно приготовляемых ко двору». В 1799 г. Остерман-Толстой женился, не испытав особых мук любви.

В 1800 г. в связи с реформами Павла I генерал «переименовывается в действительные статские советники для определения к статским делам» вместе с другими 333 генералами -148- и 7 фельдмаршалами, в том числе Суворовым и Раевским. Возвратил Остермана-Толстого в армию Александр I, но вакансии для него не нашлось и до 1805 г. он числился «генералом без особой команды» в корпусе П.А. Толстого, стоявшем в Шведской Померании. К началу кампании 1805г. он оказался с небольшим отрядом в Ниенбурге на Везеле и не участвовал в «битве трех императоров» при Аустерлице (Славкове). Осенью 1806 г. Остерман-Толстой, после создания 4-й антинаполеоновской коалиции выступил в поход уже генерал-лейтенантом, командующим 2-й пехотной дивизией, входившей в состав корпуса Л.Л. Беннигсена. Во главе 5-тысячного авангарда Остерман-Толстой отправился навстречу наполеоновскому маршалу Ланну и занял позиции у Чарнова, при слиянии Нарева с Вкрой, чтобы позволить основным силам союзников собраться у Пултуска (Багратионовска), не дав французам перейти реку. Тревожное стояние у Чарнова длилось четверо суток. Принимая в парадном мундире прибывшего на позиции главнокомандующего фельдмаршала М.Ф. Каменского, Остерман-Толстой внимательно следил за противоположным берегом, куда подходили главные силы Наполеона. Когда противник устроил дымовую завесу и поджег деревню, что было сигналом к наступлению, генерал уже находился в боевых порядках. Он неоднократно сам водил в атаку батальоны Павлевского полка. Его адъютант будущий декабрист С.Г. Волконский рассказывал: когда павловцы стали нести большие потери, их командующий приказал полку залечь, а сам, «как в древних веках рыцари, не слезал с лошади». Всю ночь его дивизия сдерживала натиск французов, предотвратив попытку Ланна зайти в тыл союзным войскам. Военный историк Г.В. Жомини писал о чарновском бое: «Граф Остерман маневрировал истинно по-военному, и войска его явили истинное мужество и стойкость. Предусмотрительная решимость избавила русскую армию от почти неминуемой гибели. Предвидя опасность, которой подверглись они, если бы неприятель успел бы отрезать его, переправившись через Нарев, Остерман, отступая от Чарнова, самовольно приказал генералу Багговуту, стоявшему в Загреже, идти в Пултуск. Вследствие этого неприятель был остановлен, а Беннигсену доставлен был случай впервые восторжествовать над непобедимым доселе неприятелем».

В кровопролитном сражении под Прейсиш-Эйлау в феврале 1807 г. Остерман-Толстой снова оказался в гуще событий{8}. Когда одна из колонн Наполеона обошла его позиции и ударила с тыла, он снова встал во главе Павловского полка. Пока передние ряды отбивали

атаку с фронта, он повернул задние шеренги кругом и повел их в контратаку. Участник этого боя Д.В. Давыдов писал: «Произошла свалка, дотоле невиданная. В продолжении 16 кампаний моей службы я подобного побоища не видел. Граф Остерман с неустрашимостью отражал нападение». А вот оценка А.П. Ермолова: «Выдержал горячее нападение со всей его неустрашимостью и храбростью». В этой битве Остерман-Толстой едва не попал в плен к подступавшим французам его отбили гренадеры под командой полковника Мазовецкого. Впоследствии портрет полковника всегда висел в кабинете Остермана и, показывая на него, он называл Мазовецкого своим благодетелем. Адьютант генерала Милорадовича известный писатель Ф.Н. Глинка считал, что «приключения» Остермана, при которых он едва не был пленен, имели причиной сильную близорукость: командуя войсками, он надевал очки и, тем не менее, путал своих и французских солдат.

После Эйлау у дивизионных генералов Ф.В. Остен-Сакена и П.А. Толстого, к которым тут же примкнул и Остерман, возникли разногласия с командующим корпусом Беннигсеном{9}. Император прислал для наведения порядка Н. Н. Новосильцева, после чего Остен-Сакен был отдан под суд, а Остерман-Толстой надолго испортил отношения с Беннигсеном. Многие считали, что если бы не этот эпизод, следующее сражение, при Гудштадте, было бы более удачным для русских войск. В этом бою Остерман был тяжело ранен в ногу. Заключение Тильзитского мира вызвало у него полное неприятие вопреки указаниям царя, он не посещал французского посланника Коленкура и не приглашал его к себе на приемы, за что последний называл его в своих донесениях «главой московской оппозиции». Как выразился один из современников, «даже среди знаменитых сверстников умел Остерман себя выказать». Вскоре он был назначен командующим 1-ой гренадерской дивизией, куда вошел и его родной Преображенский полк, но в 1809 г. неожиданно подал в отставку. Истинная причина этого шага осталась неизвестной. Существовало мнения, что он сделал это из солидарности с другом «толковым командующим и обаятельным человеком», будущим московским градоначальником Д.В. Голицыным, которого обошли продвижением по службе. По другим данным, Остерман покинул армию по болезни. Александр I счел его прошение дерзким и наложил резолюцию: «Вычеркнуть из списков»{10}.

Весной 1812 г. началась отправка войск на Западную границу. Когда уходил Павловский полк, Остерман выезжал к Нарвской заставе вместе с царской свитой. В апреле, узнав, что -149- Александр I и назначенный вместо А. Л. Аракчеева военным министром М.Б. Барклай де Толли уже прибыли в Вильно, Остерман-Толстой тоже отправился на запад, в одиночку, в собственной карете. В июне он прибыл в расположение 1-го пехотного корпуса П. Х. Витгенштейна, находившегося на правом фланге 1-ой Западной армии, которой командовал Барклай де Толли. Впоследствии этот корпус прикрывал петербургское направление. Остерман явился в штаб командующего в Шавли (Шауляй), назвавшись волонтером, и выразил желание служить в любой должности.

После переправы «великой армии» через Неман 24 июня Витгенштейн повел свой корпус в Вилькомиру, оставив 4-тысячный отряд Кульнева прикрывать отходящие войска. В самый драматический момент на поле боя появился высокий генерал в очках с орденом св. Георгия на мундире. Он корректировал огонь артиллерии и участвовал в отражении кавалерийских атак. Витгенштейн сообщил царю о поведении Остермана в этом сражении, а свидетель происходившего генерал-адьютант Ф.П. Уваров ходатайствовал перед

императором об оставлении на фронте отставного генерала, не скрывая своей симпатии к своенравному Остерману. Вскоре в местечке Замошье, в 60 верстах от Динабурга, Остерман-Толстой принял командование 4-м корпусом, с которым прошел всю Отечественную войну. После отступления русских войск от Вильны к Свенцянам и захвата маршалом Даву Могилева 4-й корпус двинулся к Дрисскому лагерю, построенному вблизи Полоцка для «жесткой обороны» по проекту любимца царя прусского советника Фуля. Однако, вопреки ожиданиям, французы к лагерю не пошли, а двинулись левым берегом Двины на Витебск. На военном совете, собранном Барклаем де Толли, Остерман по просьбе начальника штаба Ермолова выступил как более авторитетный военачальник с предложением о движении армии к Орше, чем вызвал недовольство командующего, принявшего решение отходить к Витебску. Никто из них еще не знал, что Витебск захвачен французами, а к Орше уже подходит корпус маршала Груши. В соответствии с планом Наполеона его войска вклинились между 1-ой и 2-ой Западными армиями. Их быстрое продвижение заставило Барклая срочно оставить дрисский лагерь, выставив арьергард под командованием Остермана-Толстого. Ермолов по этому поводу записал: «Надобен был генерал, который дождался бы неприятеля, и тот бы его не устрасил. Таким был Остерман, и он пошел с 4-м корпусом». Таким образом, на долю Остермана выпало первому, через месяц после начала Отечественной войны, вступить в большое сражение с французами{11}.

Несмотря на преимущество в артиллерии противник после нескольких часов непрерывных атак не смог преодолеть сопротивления пехотного каре русских. Когда Остерману доложили, что потери в корпусе велики, и спросили, как поступить, он, нюхая табак, что было его давней привычкой, ответил: «Что делать? Ничего не делать, стоять и умирать!» Корпус оставался на позициях, пока его не сменили свежие войска. Через сутки стало ясно, что Багратион, командовавший 2-ой Западной армией, не пробился к Витебску, и 1-я армия стала отходить к Смоленску. Корпус Остермана-Толстого вступил в Поречье, а 22 июля 1-я и 2-я армии соединились. Во время трехдневного сражения под Смоленском, второго по масштабам за всю войну после Бородинского, французы переправились через Днепр, готовясь отрезать часть русских войск{12}. Их маневр не увенчался успехом благодаря действиям 4-го корпуса: закрепившись у селения Валутина Гора, Остерман-Толстой воспрепятствовал заходу противника во фланг армии Багратиона.

17 июля у Царева Займища новый главнокомандующий М.И. Кутузов объезжал войска. Увидев Остермана, он сообщил ему о своем назначении, присовокупив: «С потерей Смоленска ключ от Москвы будет у французов». Затем он приказал отступать. Отведя войска к Гжатску, Кутузов счел позиции невыгодными, и армия продолжила отступление на Можайск. Именно в это время, выслушав поучения начальника штаба армии маркиза Паулуччи, Остерман-Толстой гневно и отчетливо произнес: «Для вас Россия мундир, вы его наденете и снимите, а для меня она кожа». Впрочем, эти слова приведены в «Старой записной книжке» П.А. Вяземского{13}, который отмечает, что не уверен в авторстве Остермана. Тем более, что Паулуччи не понимал по-русски, почему и был заменен Ермоловым. Вяземский писал: «Нравственные качества Остермана прямодушие, откровенность, благородство и глубокое чувство русской народности, впрочем, не враждебное иноплеменным народностям».

Несмотря на родственные чувства, решительному и отчаянному Остерману вряд ли импонировала медлительность и осторожность Кутузова. Проведя реорганизацию, Кутузов

создал арьергардный отряд по командованием Милорадовича{14}, в который вошел и 4-й корпус, вскоре занявший позиции под Бородиным. Остермана и Милорадовича связывала давняя дружба, они обычно квартировали в одной избе, а в Бородине вместе забрались на колокольню церкви для рекогносцировки. В начале сражения Остерман находился на относительно -150- спокойном участке, но после ранения Багратиона 4-й корпус был переброшен к Курганной высоте, которую уже несколько часов оборонял корпус Раевского. 300 орудий французов буквально накрыли огнем позиции 4-го корпуса. Разрывом снаряда Остерман-Толстой был сброшен с лошади. Его отнесли в госпиталь, но, едва оправившись от контузии, он вернулся к войскам, потери которых к этому времени достигали трети состава. В ночь на 8 сентября Кутузов поставил его корпус в арьергарде отходящей армии. За Бородинское сражение Остерман-Толстой был награжден орденом св. Александра Невского. 13 сентября в Филях, в избе крестьянина, где квартировал Кутузов, собрались четыре полных генерала (Барклай, Беннигсен, Дохтуров, Платов), четыре генерал-лейтенанта (Остерман-Толстой, Раевский, Коновницын, Уваров), а также начальник штаба Ермолов, генерал-квартирмейстер Толь и генерал-интендант Ланской{15}. После речи Барклая де Толли, настаивавшего на оставлении Москвы, разгорелись жаркие прения. Резко возражая требовавшему сражения Беннигсену, Остерман заявил: «Москва не составляет России. Наша цель не в одном защищении столицы, но всего отечества, и для его спасения главный предмет есть сохранение армии». Благодаря этой поддержке Кутузов смог произнести по-французски слова: «Приказываю отступить». Впоследствии то, что Остерман примкнул к меньшинству, вызвало нападки Давыдова. По его мнению, совет, данный Остерманом в 1812 г. об оставлении Москвы без боя, «был причиной того, что он несколько раз сходил с ума: ему казалось, что армия почитает его трусом»{16}. На другой день после совета Остерман увел свой корпус через Рязанскую заставу, а через трое суток в московском пожаре сгорел его особняк{17}. Пройдя несколько десятков верст по направлению к Коломне, 4-й корпус вместе со всей армией повернул на запад, к Подольску. В Красной Пахре Остерман встретил уходившего в отставку Барклая де Толли. Тот был уже без мундира и свиты. Как старому боевому другу он постарался объяснить Остерману свою роль в отступлении, а впоследствии прислал ему письмо из Калуги, отправленное одновременно с желчным посланием царю. К чести Остермана-Толстого, он среди немногих (может быть, только Давыдова и Сеславина) не принимал участия в травле Барклая, возглавляемой великим князем Константином Павловичем и поддержанной Ермоловым, Багратионом и Беннигсеном. Нападение из Тарутинского лагеря на войска Мюрата, стоявшие на р. Чернишне, Кутузов запланировал на 6 октября, но перед самым наступлением выяснилось, что войска Багговута и Остермана заблудились в лесу. Как писал Лажечников, «Остерман-Толстой на некоторое время впал в задумчивость после Тарутина, когда 4-й корпус не прибыл вовремя и в деле почти не участвовал. Это была ошибка квартирмейстера. Хотя невыполнение графом диспозиции должно было огорчить его». Сражение под Тарутино заставило Наполеона на следующий день покинуть Москву{18}. Затем корпус Остермана принимал участие в боях за Малоярославец и Вязьму в авангарде войск Милорадовича. А когда Наполеон, лишившись продовольствия и не сумев удержаться в Смоленске, двинулся к западной границе, Остерман повел свои полки на Красное и вытеснил оттуда польскую дивизию Зайончека, входившую в корпус Понятовского. Начавшееся контрнаступление Наполеона с его гвардейцами вынудило Остермана отойти и вновь захватить Красное уже под командованием Милорадовича{19}. В

этом бою Остерман был ранен. Доехав до Вильно, он покинул армию для излечения болезней. После освобождения в марте 1813 г. Берлина корпусом П.Х. Витгенштейна Остерман с женой отправились искать облегчения у немецких врачей. Неожиданная смерть Кутузова на марше, о которой Остерман-Толстой узнал в Бунцлау, потрясла его. Наполеон уже собрал новую армию и двигался к Эльбе. Его самоуверенное заявление о возвращении на Вислу и поражение союзников при Люцене в апреле вызвали у Остермана желание вновь вернуться в строй: едва оправившись, он прибыл в армию и снова объявил себя волонтером. В сражении под Бауценом, находясь в стрелковой цепи, он личным примером остановил отступающие войска и был снова ранен в плечо. Даже не дав как следует перевязать рану, он в течение еще трех часов руководил сражением, пока не начал сползать с лошади, после чего был вынесен с поля боя.

Едва оправившись, Остерман снова вернулся в армию, возглавив отряд, состоявший из гвардейской дивизии Ермолова и пехотного корпуса принца Виртембергского. Потерпев поражение под Дрезденом, союзные войска, среди которых находились Александр I и король Пруссии, двинулись к Теплицу трудно проходимыми Богемскими горами, преследуемые наполеоновским маршалом Вандамом. Французы могли, настигнув отступающих, загородить им проход через горы. Остерман-Толстой оказался в главной квартире союзников почти случайно, «без всякого постоянного начальства», имея приказ командующего присоединиться ко всей армии. Чтобы спасти положение, нужно было совершить фланговое движение мимо -151- вдвое превосходящей армии Вандама. Пребывая в нерешительности, Остерман обратился к принцу Виртембергскому. Тот призвал к немедленным действиям. Известный мемуарист Н.Н. Муравьев писал, что нашел Остермана сидящим на барабане в чистом поле. Граф попросил его сказать Ермолову, что он «ожидает его с нетерпением, ибо советы его будут служить ему приказанием».

В результате Остерман-Толстой пошел наперерез Вандаму «с верностью взгляда, прославившего его имя рядом быстрых и точных перемещений, непрерывно вступая в бой, несмотря на множество преград и страшное утомление войск». К тому же двое суток шел проливной дождь, и дороги были размыты. 19-тысячный отряд вошел в ущелия Богемских гор, преградив дорогу Вандаму. 17 августа 1813 г. разгорелось ожесточенное сражение у чешской деревни Кульм. Проведя гвардейцев через горные теснины, Остерман подавил артиллерию противника, опрокинул его арьергард и закрепился в ущельях. Атаки французов, следующие одна за другой, не сломили оборону русских, Ермолов вспоминал: «Под Кульмом было труднее управиться с Остерманом, чем с французами: в пылу сражения граф постоянно стоял перед каре, обращенным к Дрездену, откуда французы готовили атаку, и, не желая отходить, кричал: «Ни шагу назад! Вы все трусы! Стоять и умирать на месте!» Мне едва не приходилось его тащить». Александр I, увидев с гор поле битвы, послал генерала Жомини с приказом направить к Теплицу свежие части. Вскоре германские войска заблокировали французов, а казаки взяли в плен Вандама. Но сам Остерман в 10 час. утра был ранен – левая рука его была почти оторвана неприятельским ядром, генерал истекал кровью. Командование принял Ермолов.

Когда Остермана снимали с лошади, он улыбнулся бледными губами и сказал: «Вот как я заплатил за честь командовать гвардией. Я доволен». Посмотрев на медиков, Остерман остановил взгляд на молодом лекаре Кунчловском: «Твоя физиономия мне нравится. Отрезывай ты мне руку». Солдатам он приказал петь песни, чтобы не было слышно его

стонов, но сам во время операции не проронил ни звука. Лишь сказал: «Чего бояться? Быть раненому за отечество весьма приятно, а что касается левой руки, то у меня остается правая, которая мне нужна для крестного знамения, знака веры в Бога, на коего полагаю всю мою надежду». К концу операции он потерял сознание, а когда очнулся, увидел склонившегося над ним прусского короля и, несмотря на свое состояние, обратился к нему со словами приветствия: он понял, что благодаря его действиям союзные войска успели спуститься с гор^{20}. К флигель-адъютанту Меншикову Остерман-Толстой обратился по-французски: «Посмотрите, князь, какая получилась со мной неприятность. Дайте мне табачку понюхать». Лажечников, приехав впоследствии в Сапожковское имение Остермана в Рязанской губ., был свидетелем, как Александр Иванович зарывал хранившуюся раньше в спирту руку в фамильном склепе.

Решающую роль Остермана-Толстого в кульмском сражении уже тогда пытались подвергнуть сомнению. Лажечников утверждал, что «душой и виновником победы был Остерман», «Денис Давыдов силится доказать, что при Кульме победил Ермолов, но он только завершил дело». Прочитав составленную Ермоловым по его просьбе реляцию о сражении, Остерман, несмотря на жестокие страдания, приписал: «Довольно возблагодарить не могу вашего превосходительства, нахожу лишь только, вы мало упомянули о генерале Ермолове, которому всю истинную справедливость отдавать привычен». За подвиг под Кульмом Остерман-Толстой был произведен в генерал-адъютанты, награжден орденом св. Георгия II степени, прусским железным крестом и австрийским командорским крестом ордена Марии Терезии.

Через несколько дней после ранения Остермана перевезли из Теплица в спасенную им от разрушения Прагу, где «жители, стремящиеся видеть избавителя Богемии, покидают свои дома и теснятся около него с благословением». Позже, в 1815 г., он получил «дорогой сосуд-кубок, украшенный сея земли драгоценными камнями, с надписью «Храброму Остерману от чешских женщин в память Кульма 17 августа 1813 г.^{21}. Остерман велел начертать на нем имена полковых командиров, участвовавших в сражении, и хранить в Павловском полку. Сейчас кубок, как и шинель генерала, находятся в запасниках Исторического музея. Даже став полным инвалидом, Остерман не собирался отказываться от участия в войне и, едва оправившись, возвратился в армию. Но тут судьба решила побережь генерала: он заболел и не участвовал в Лейпцигской «битве народов», вынужденно ограничив свою деятельность написанием реляций о ходе боевых действий.

В ходе всей войны он постоянно вдохновлял солдат личным примером бесстрашия, был шесть раз ранен и при этом ни разу не покинул поля боя, пока не терял сознания от боли. Он пользовался огромным авторитетом среди офицеров и солдат не только вследствие личной храбрости, но и благодаря заботе о подчиненных. Его родственник будущий декабрист Д.И. Завалишин писал: «Особенно заботился о нижних чинах и на войне никогда не входил -152- и устроены».

В 1815 г. Остерман-Толстой вернулся в Петербург и был назначен командиром гренадерского корпуса. Проживал в заново отстроенном отеческом доме на Английской набережной. Только в 1818 г. он подал рапорт об уходе с должности командующего корпусом, оставаясь шефом Павловского полка. Он почти насовсем распрощался с Петербургом, наезжая в столицу только по случаю придворных торжеств. Жил зимой в московском особняке, отстроенном после пожара, а летом в подмосковной усадьбе Ильинское

Звенигородского уезда{23} и в построенной им и названной в его честь соседней Александровке. В 1822 г. он со своим родственником будущим знаменитым поэтом Ф.И. Тютчевым отправился в заграничное путешествие, занявшее два года. Несложившиеся отношения с Николаем I и невостребованность его как полководца во время войны с Турцией в 1828 г.{24} (Остерман рассчитывал, что ему поручат командование армией, но выбор Николая пал на Витгенштейна) привели к решению отправиться в Рим, а в 1830 г. Остерман-Толстой обратился к императору за разрешением навсегда покинуть Россию. В течение четырех лет он путешествовал по Востоку, посетив Палестину, Турцию, Сирию и Египет. Даже участвовал в качестве военного советника в войне Египта за независимость от Турции (Завалишин приписывал Остерману решающую роль в руководстве победными действиями Ибрагим-паши при захвате Сирии и Малой Азии). Вернувшись из путешествий, Остерман поселился во Флоренции.

Его брак с Елизаветой Голицыной был бездетным. В 1835 г. она скончалась. Известно, что за границей у Остермана была вторая семья. От гражданского брака с итальянкой у него было трое детей, которые не унаследовали его фамилии. С 1837 г. он проживал в Женеве, почти не поддерживая связей с Россией, лишь изредка посещаемый соотечественниками (П.А. Вяземский, А.И. Герцен). Там, вдали от Родины, он закончил свой жизненный путь 12 февраля 1857 года. Он был похоронен на кладбище пригорода Женевы Сакконе{25}. На могиле его нет никакого памятника. Его фамилия вместе с частью наследства перешла к родственникам сестры Натальи Ивановны Голицыной и прослеживается до начала XX века.

Примечания:

- {1} Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Российской империи. СПб. 1889.
- {2} Крайванова И.В. Генерал Остерман-Толстой. М. 1972.
- {3} Каратыгин П.П. Семейные отношения А. И. Остермана. Исторический вестник ,СПб ., 1889, сентябрь.
- {4} Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб. 1854, с. 143.
- {5} Дурьлин С. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М. 1943.
- {6} Герои. 1812 года. М. 1987.
- {7} Записки Ф.П. Толстого. Русская старина ,СПб ., 1873,т .VII, с. 38.
- {8} Глинка В.М., Помарницкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л. 1963, с. 119.
- {9} Толычев. Исторические анекдоты и мелочи русской жизни. Русский архив, СПб., 1877.
- {10} Русский биографический словарь. Т. 12. СПб. 1905, с. 420.
- {11} 1812-1814 годы. Переписка. 1972.
- {12} Муравьев Н.Н. Записки. Русский архив , 1878,№ 1-4,с . 360.
- {13} Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 8. СПб. 1883, с. 51, 298.
- {14} Каллаш В.В. 1812 год в воспоминаниях и письмах современников. М. 1912, с. 16.
- {15} Мерещкова Л. «Военный совет в Филях», картина А. Д. Кившенко. М. 1950.
- {16} Лажечников И.И. Сочинения. Т. 12. СПб. 1900, с. 172.
- {17} История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 2. СПб. 1859.
- {18} Кутузов М.И. Письма, записки. М. 1989.
- {19} Попов А.Н. От Малоярославца до Березины. Русская старина , 1877.

- {20} Жиркевич И.С. Записки. Русская старина , 1874,т .XI, с. 428.
- {21} Богданович М.И. История царствования императора Александра I. Т. 4. СПб. 1869.
- {22} Завалишин Д.И. Воспоминания о графе А. И. Остермане-Толстом. Исторический вестник, СПб., 1880, март, № 5-6, с. 92.
- {23} Степанов М.П. Село Ильинское. Исторический очерк. М. 1901.
- {24} Шапиро О.Б. Освобождение Греции и Россия. М. 1965.
- {25} Калугина Н.А. Последние годы одного из героев 1812 года. Вопросы истории , 1978, №10, с. 216. -153-